

¹³ Ничего похожего на эту форму в субстратной топонимии ИМЗ и РС пока не обнаружено. И это естественно: “безымянные” объекты обычно не появляются на картах.

¹⁴ Nissila V. Suomalaista nimistöntutkimusta. Helsinki, 1962, 69.

¹⁵ Альквист А. Субстратная топонимия Ярославского Поволжья, 442.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Как опасна “игра в суффиксы”, показывает чисто формальное вычленение компонента *-тoma*, *-дома*, при котором остающиеся “основы” принимают вид V-(У-дома), VC-(Op-дома), CV-(Мя-дома), CVC-(Лохтома), хотя фактически имеют структуры VC-, VCC-, CVC-, CVCC-. И уже курьезен результат извлечения “аффикса” *-дом* из ойконима *Индом* (Кир), который является аббревиатурой русского словосочетания *Инвалидный дом*.

¹⁸ Кусов В.С. Чертежи земли Русской: Каталог-справочник. М., 1993, 261, 291.

¹⁹ Ср. антропонимы *Кошкодамов* (? < *Кошкодавов) и *Кошкодав* (Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974, 162).

²⁰ В современной Брянской области.

Сокращения

РАЙОНЫ

Бел	– Белозерский район Вологодской области
Влгд	– Вологодский район Вологодской области
Кир	– Кирилловский район Вологодской области
Нянд	– Няндомский район Архангельской области
Пин	– Пинежский район Архангельской области
Плес	– Плесецкий район Архангельской области

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ

бол.	– болото	r.	– река
о-в	– остров	руч.	– ручей
оз.	– озеро	ур.	– урочище
пок.	– покос		

О.В. Мищенко

К ЭТИМОЛОГИИ СЕВ.-РУС. ПИЛИК¹

Сев.-рус. *пилíк* и его варианты *пилáк*, *пилíтка*, *пилíток*, *пилíтуха*, *пилитúха*, *пилитúшка*, *пилítушка*, *пýлица*, *пилица*, *пýличек*, *пилíчка*, *пиличóк*, *пýлка*, *пилóвка*, *пилóтка*, *пилóчек*, *пýлочка*, *пилóтка*, *пилóтуха*, *пилóтушка*, *пилóша*, *пýлушка*, *пилóшка*, *пильчóк*, *пилючóк*, *пиячóк*, *плечóк* очень широко распространены на территории Архангельской и Вологодской областей, встречают-

ся также в русских говорах Карелии. Приведенные слова чаще всего обозначают наскоро сделанную посудинку из свернутого кулечком – обычно в виде конуса – куска бересты; получившаяся берестяная емкость может закрепляться расщепленной палочкой. Такая посудинка используется в полевых условиях в качестве черпачка или чашки. Помимо описанной реалии лексемы также могут обозначать ‘бумажный пакет, кулек’, ‘черпак, совок, ковшик для вычерпывания воды из лодки’, ‘паз, желоб, выбивающий в бревне или доске при укладке углов дома’ (Картотека Словаря Рус. Сев.; СРНГ 27, 28–30; Словарь Карелии 4, 510).

На территории Русского Севера выделяются два региона – 1) северо-запад Вологодской области и частично юг Архангельской и 2) крайний юго-восток Вологодчины – со специфической семантикой рассматриваемых слов, а именно: ‘любая складка, загиб на одежде, обуви: часто одиночная боковая складка, загиб, который делается, чтобы уменьшить не по размеру широкую одежду; любой загиб на материи; морщинка на ткани; выточка; сборка, стянутость ткани в результате грубо выполненного шва’, ‘шрам, рубец’, ‘человек со следами оспы на лице’ (Картотека Словаря Рус. Сев.; Словарь Карелии 4, 510). На этой же территории зафиксировано выражение *на пеликах* ‘о морошке в завязях’ (Картотека Словаря Рус. Сев.).

Для полноты картины следует указать на существование у русских слов вепсского соответствия *pīlik* ‘берестяной черпак’², которое осталось за пределами финских этимологических источников, по-видимому, в силу отсутствия прямых соответствий в других финских языках. Сама по себе вепсская лексема не может решить проблемы происхождения севернорусских диалектизмов по причине своего изолированного характера: последнее заставляет учитывать для нее возможность русского источника.

На первый взгляд, в севернорусских диалектизмах можно предполагать дериваты рус. *пить*: эта версия поддерживается как наиболее распространенным значением лексемы (‘сосуд для питья’), так и возможностью вычленения в словообразовательной структуре основного варианта (*пилик*) древнего суффикса **-l-*³. И все же существует целый ряд причин, заставляющих сомневаться в правильности такого этимологического решения.

1. Ареал лексемы ограничивается территорией Русского Севера и Карелии, при этом на территории Русского Севера лексема распространена практически повсеместно. Последнее уменьшает вероятность того, что слово может иметь статус славянского архаизма.

2. Вычленение в качестве элемента словообразовательной структуры слова суффикса **-l-* осложняется, на наш взгляд, следующими обстоятельствами: а) при всем многообразии вариантов лексемы не обнаружено ни одной формы без предполагаемого наращения

аффиксов, то есть формы типа **пила*, **пило* и т.п.; б) затрудненной оказывается интерпретация словообразовательной структуры форм с согласным *t* (*пилитка*, *пилотка* и пр.) с учетом отсутствия данных о каких-либо иных членах вероятной словообразовательной цепи, кроме приведенных выше существительных⁴.

3. Если исходить из первичности семантики питья, очень сложно объяснить появление таких значений как ‘складка на одежде’, ‘стянутость ткани, грубый шов’, ‘шрам, рубец’.

4. В исконном происхождении лексемы заставляют усомниться и результаты идеографического анализа обозначений бытовых емкостей по данным говоров Архангельской и Вологодской областей. Анализ проводился по материалам Картотеки Словаря Рус. Сев. с учетом данных диалектных словарей по названной территории. Общий объем материала составил более 1800 лексико-семантических вариантов. В ходе анализа была выявлена понятийная сетка, которая отражает представления носителей языка о классе бытовых емкостей, а также были проанализированы наборы репрезентантов каждого из понятий. Проведенный анализ показал, что в идеографической сетке говоров существуют понятийные области, “закрытые” для проникновения заимствований, и области с явным преобладанием неисконных репрезентантов⁵. В качестве одного из примеров последних можно привести такое понятие как ‘берестяной цилиндр с деревянным дном и крышкой, употребляемый для хранения или переноски сыпучих и жидкых продуктов; туес’. Репрезентантами названного понятия в говорах Русского Севера выступают следующие лексемы: *бурák*, *бурик*, *бурайк* < тюрк.⁶ или фин.-угор.⁷; *бурнá*, *бурнéха* < фин.-угор.⁸; *бúртас* < фин.-угор.⁹; *түес* < фин.-угор.¹⁰ Специальные исконные лексемы для обозначения именно берестяной емкости типа туеса отсутствуют, хотя реалия на Русском Севере распространена повсеместно. Встречаются лишь локальные факты явно вторичного характера (*пýдница*, *рогýшечка*, *рýченъка* и т.п.).

В ряд понятий, для которых характерны в основном заимствованные репрезентанты, “вписывается”, по-видимому, и рассматриваемая семема ‘наскоро сделанная в полевых условиях посудинка – свернутый кулечком цельный кусок бересты’. Так, в качестве наиболее распространенных обозначений названной реалии, помимо рассматриваемого *пилик*, известного практически повсеместно, в говорах Русского Севера выступают следующие лексемы: *бурák*, *бурайк* (< тюрк. или фин.-угор.); *кужёнка* (очень вероятно, < фин.-угор.¹¹); *лéйка*, *водолéйка*; *липéнька* (< фин.-угор.); *турýк*, *тюрик* (< фин.-угор.); *турурýшка*, *турýшка* (< фин.-угор.); *черпáха*, *черпачóк*, *черпúга*; *чиблик*, *чиблюк*, *чублик*, *чүглик* (< фин.-угор.¹²); *чумáк*, *чумáн*, *чумичóк* (< тюрк., Фасмер, IV, 382); *чупáк*, *чýпочка* (< фин.-угор.).

В отношении исконных лексем приведенного ряда можно сказать следующее. Ни для лексем гнезда *лить*, ни для лексем гнезда *черпать* за пределами территории русско-финно-угорских контактов интересующие нас значения не отмечены¹³. В качестве мотивирующих для лексем обоих гнезд выступают признаки, о которых нельзя сказать, что они выделяют из “парадигматического” посудного ряда именно рассматриваемую в статье реалию (свернутый конусом кусок бересты, используемый в качестве чашки или черпака в лесу или на покосе), при этом как на территории Русского Севера, так и на более южных территориях дериваты обоих гнезд активно функционируют в других значениях: *лайка* ‘большая воронка из дерева или сплетенная из корней’, ‘ковш, черпак для выливания воды из лодки’, ‘банная шайка’, ‘водоворот в реке, воронка’, *черпалка, черпало, черпан* ‘ковш’ (СРНГ 16, 340–341; Даль² 4, 596; Опыт, 257, Картотека Словаря Рус. Сев.). Все сказанное позволяет предполагать, что дериваты гнезд *лить* и *черпать*, обозначающие обсуждаемую реалию, являются севернорусскими новообразованиями, возникшими в результате семантической деривации, а именно сужения, спецификации значения (если только мы не имеем дела с одним из денотатов более широкого значения, ошибочно зафиксированным в качестве самостоятельной семемы).

Безусловно, есть еще целый ряд исконных лексем, зафиксированных в качестве обозначений рассматриваемой реалии в говорах Русского Севера, однако в этом значении они узколокальны и мало-частотны. Это следующие образования: *берестянка, бычок, дудка, защёпочек, коробица, лодочка, лотбок, подберёшка, полотуха, совок, рогушечка, цепчик, шкатунка*. По-видимому, перед нами также новообразования, в большинстве случаев появившиеся на базе семантической деривации.

Итак, анализ представителей рассматриваемого понятия – на сколько сделанного берестяного кулечка для питья – указывает на то, что оно базируется на заимствованиях. Таким образом, возвращаясь к этимологии севернорус. *пилик*, стоит учитывать большую вероятность его заимствованного происхождения.

Можно предполагать прибалтийско-финский источник лексемы. Ср. следующее гнездо: фин. *pilli* ‘трубочка, трубка’, ‘гудок, свисток’, ‘дудка, свирель’¹⁴, ‘примитивный духовой инструмент’, ‘тростник, камыш или другое водное растение с полым стеблем’, ‘тонкая трубочка’, *pilliheinä* ‘пикульник, камыш’, *pillike, pillikkä, pillikäs* ‘гелеопсис’, *pillis* ‘то же; озерный тростник’, *pilles* ‘камыш’, карел.-ливв. *pilli* ‘трубка, флейта’, эст. *pill* ‘музыкальный инструмент; выдувная труба, трубка, трубочка, флейта, волынка’, ливск. *piil'* ‘музыкальный инструмент, флейта’ (SKES, 564; SSA 2, 364–365). В плане семантики показательны следующие карельские диалектные дан-

ные: карел. *pilline* (диминутивная форма от *pilli*) ‘трубочка’, ‘маленькая, в половину чашки, посудина’, с контекстом о том, что на покосе (*sic!* – *O.M.*) дети пьют воду из такой посудинки¹⁵.

Однако в силу изолированности последней из приведенных семем остается вопрос, не является ли она случайной в настоящем гнезде и стоит ли за ней именно та реалия, которая нас интересует. Высказанное сомнение базируется, прежде всего, на несоответствии формы трубки (ср. прибалтийско-финские данные) и формы конуса, воронки (ср. семантику севернорусских лексем).

Кажущееся несоответствие разъясняется при обращении к другим прибалтийско-финским гнездам с аналогичной семантикой. Материал показывает, что для финских языков характерна связь представлений о трубке и конусе, в основе которой лежит идея скручивания, сворачивания, спр.: –

– фин. *käärö* ‘сверток, узел, узелок; трубочка; свиток, рулон’, *kääräistä* ‘завернуть, обернуть; закутать, окутать’, ‘свернуть’, ‘развернуть’, *kääräistä rullalle* ‘свернуть в трубку’¹⁶;

– фин. *turu* ‘труба, трубка’, ‘рожок пастуха’, карел.-ливв. *turu* ‘пастушья труба из осины; трубочка, свиток, рулон, узел, сверток; катушка, бобина; папироса, сигарета’ (SKES 1430), а также карел. твер. *turu* ‘кулек; о чем-либо свернутом трубочкой’, *turulleh* ‘кульком, кулем’¹⁷, карел.-ливв. *turuine* ‘валок расчесанной шерсти в виде трубочки’¹⁸;

– карел. *tutu* ‘рожок, свернутый из куска бересты рог; игла для вязания сети’, *tutuine* ‘детский рожок, трубка в сосуде’, ливв. *dudu* ‘детская соска’, вепс. *tut* ‘игла для вязания сети’ (SKES, 1436), а также карел. твер. *tutu* ‘рожок, детская соска’, ‘тряпка, намотанная на большой палец’, ‘овсяный блин, свернутый в трубочку’¹⁹;

– фин. *tötterö* ‘бумажный кулечек в виде воронки для разных мелочей; берестяная воронка, воронкообразный предмет, сверток, трубочка, свиток, узел, комок, пучок, связка; коробка’, карел.-ливв. *tötterö* ‘(берестяная) воронка; детский рожок для молока; плохая, прохудившаяся вещь (например, о трубке, ружье)’ (SKES, 1508); с этим гнездом соотносят и фин. *töttö* ‘берестяной рожок, деревянная трубочка; соска; берестяной или бумажный кулек, фунтик, берестяная высокая посуда для ягод’, *töttötää* ‘дуть или говорить в трубку или воронку’, карел.-ливв. *töttö* ‘соска, детский рожок для молока’, ‘клок, пучок; сверток, узел, узелок; трубочка; свиток, рулон’ (SKES, 1508; SSA 3, 364);

– фин. *torvi* ‘труба, трубка’²⁰, *torwella* ‘трубочкой (о рте, губах); клубком, свертком; свернутый или свернувшийся в трубку, в рулон (о ткани, холсте, бересте); валком (о траве)’, *torvelo* ‘длинный, узкий сверток; кулек, фунтик’, ‘продолговатая копна сена’, *torvikko* ‘деревянная посудина’, *torvo* ‘кулек, фунтик; трубкообразный сверток (из

ткани, бересты)', карел.-ливв. *torvi* '(берестяная) трубка; свиток ткани; трубочка', вепс. *torv*, *torv* 'трубка', эст. *tõri*, *tõrv* 'деревянный рожок пастуха, берестяная трубка' (SKES, 1358; SSA 3, 313), ср. также карел.-ливв. *torvi* 'пастуший рожок', 'рулон полотна', *tuohiine torvi* 'берестяной рожок'²¹ и карел. твер. *torvi* 'постав, рулон полотна', 'пастушья труба, рожок'²².

Приведенные гнезда демонстрируют два основных аспекта в восприятии такой реалии, как трубка, получивших отражение в финских языках. Один из них, традиционный для русского сознания, связан с внешними характеристиками реалии – полый предмет, вытянутый в длину. На это указывают значения 'валок расчесанной шерсти', 'продолговатая копна сена', 'трубка в сосуде', 'о прохудившемся ружье' (ср. вытянутую форму ствола. – *O.M.*), 'деревянная посудина' (видимо, также вытянутой формы. – *O.M.*). Вместе с тем, очень ярко представлен еще один аспект восприятия, связанный со способом "изготовления": помимо обладания соответствующей формой, реалия осмыслиается как полученная путем скручивания, сворачивания. На это указывают значения с актуализацией соответствующей семьи: 'свиток, рулон, сверток', 'о чем-либо, свернутом трубочкой', 'свернутый из куска бересты рог', 'тряпка, намотанная на большой палец', 'блин, свернутый в трубочку' и др. Надо полагать, что появление таких частотных для рассматриваемых гнезд значений, как '(берестяной) пастуший рожок', 'рожок для кормления детей' произошло не без актуализации идеи сворачивания, закручивания, поскольку обе реалии изготавливались путем скручивания бересты. То же можно сказать о различного рода воронках, фунтиках и кулечках. Таким образом, сопряжение семантики, связанной с разного рода трубками, и семантики, имеющей отношение к конусообразным предметам – воронкам, рожкам, фунтикам, обусловлено сходством представлений о трубках и воронках как о предметах, полученных в результате сворачивания того или иного материала.

Для последующей интерпретации семантики русских диалектизмов нелишне заметить, что идея свернутости, скрученности в финских гнездах может уходить в своем развитии достаточно далеко, вообще теряя связь с представлениями о трубке, ср. такие значения финских лексем, как 'узел', 'комок' и пр.

Возвращаясь к гнезду *pilli*, отметим, что, в отличие от остальных приведенных гнезд, в нем преобладает "внешний" аспект восприятия. Однако принимая во внимание существование в других гнездах лексем, возникших на базе "внешнего" восприятия реалии, и лексем, в семантике которых актуализируется или даже преобладает идея закрученности, можно не только объяснить появление карел. *pilline* 'маленькая посудинка', но и предположить, что стоящая за

словом реалия может представлять собой именно скрученный воронкой берестяной кулечек.

В заключение рассуждений приведем еще одно уже общефинское гнездо, семантическая организация которого, пожалуй, наиболее близка к организации гнезда *pilli*. Ср.: фин. *putki* ‘зонтичное растение, стебель зонтичных растений’, *putkelo* ‘глубокая узкая или цилиндрическая посудина; тюбик’, *putki*, *putkula* ‘тонкий трубкообразный предмет, например, длинный мешок, валок шерсти и пр.’, карел. *putki*, карел.-ливв. *butki* ‘ствол ружья; футляр, ножны’, люд. *butki* ‘зонтичное растение’, вепс. *but'k* ‘зонтичное растение’, эст. *putk* ‘труба, трубка; зонтичное растение’, *putk* ‘вытянутая в вертикальном направлении посуда для масла, молока или сливок’, ливск. *putk* ‘футляр, ножны; стебель’, но ср. марийские параллели: мар. *put'š*, *putš* ‘зонтичное растение, стебель зонтичного растения; труба, рожок пастуха; ствол ружья’ (SKES 662; SSA 2, 442–443). Прибалтийско-финские данные демонстрируют “внешний” способ восприятия реалии, в то время как марийское значение ‘рожок пастуха’ может базироваться и на ином типе видения объекта. В любом случае значение ‘рожок пастуха’ можно рассматривать как семантическую параллель карел. *pilline* ‘маленькая посудинка’, в том смысле, что оба этих значения “создают” те части гнезд, которые связаны с представлениями о воронках.

Исходя из выявленных способов организации рассматриваемой семантики в прибалтийско-финских языках, становится понятной и логика семантической парадигмы севернорус. *пилик*. Семантика загибов, морщинок, помятостей на ткани, стянутости швов, шрамов на теле и пр., не сочетающаяся, на первый взгляд, с семантикой ‘берестяной черпачок’, вполне объясняется с опорой на идею скрученности, свернутости, как и семантика складок на одежде. Последняя, по всей вероятности, отражает также и “внешний”, связанный с трубкообразной формой, аспект в восприятии реалии. Возможно, рефлексом широко представленного в этимологическом гнезде фин. *pilli* внешнего аспекта восприятия является и такой частный случай значения, как ‘застроченная по всей длине внутренняя складка, делающаяся для ушивания одежды большого размера’, представляющая собой не что иное, как защитную трубочку.

Обозначение с помощью рассматриваемых лексем завязей морошки также отталкивается от идеи скрученности, завернутости: в состоянии завязей ягоды выглядят как завернутые, закрученные в листья. В плане семантической типологии ср.: фин. *sipri* ‘трубочка; фунтик; незрелая морошка’²³, ср. также севернорус. *трубочки* ‘о завязях морошки’ (Картотека Словаря Рус. Сев.). Исходя из всего сказанного, в последнем примере можно видеть семантическую кальку какого-то финно-угорского источника.

Итак, можно предполагать, что этимонами северорус. *пилик*, *пилка*, *пилотка* и пр. послужили дериваты прибалт.-фин. *pilli* в различных значениях. При этом обращает на себя внимание словообразовательный параллелизм карел. *pilline*, диминутивной, как уже говорилось, формы, образованной с помощью суф. *-ine*²⁴, и предполагаемых этимонов рус. *пилик*, *пилитка*, *пилутка*. В основе последних, по-видимому, также образования с диминутивными суффиксами, широко распространенными в прибалтийско-финских языках, ср. фин., карел. *-kko/-kkö*, вепс. *-k*; фин., карел., вепс. *-it/-iit*²⁵. Все сказанное позволяет предполагать также и исконный характер приведенного в начале статьи вепс. *pílik*.

Остальные русские формы могут интерпретироваться как результат словообразовательной или морфологической (варьирование по роду) адаптации.

При обращении к ареальной дистрибуции лексемы, как уже говорилось, выявляется ареал, охватывающий северо-запад Вологодской и юго-запад Архангельской области (с юга на север от оз. Кубенское до низовий Онеги и с запада на восток от оз. Белое до р. Кубена в среднем течении), в котором сосредоточен весь набор значений лексемы, а сама она зафиксирована здесь только в варианте *пилик*. Остальные варианты слова записаны за пределами названной территории и только с “посудной” семантикой. Возвращаясь еще раз к семантике русского диалектизма, нельзя не признать тот факт, что весь спектр значений слова находится в русле выявленных финских семантических закономерностей, в то время как интерпретация развития семантики на русской почве выглядит, по меньшей мере, не вполне убедительно. Предположение о заимствованном характере всего спектра значений слова поддерживается и отсутствием подобных семантических корреляций как у других северно-русских обозначений берестяных черпачков, так и у рассматриваемой лексемы за пределами названной территории. Такой характер семантической парадигмы с учетом существования и локализации всех значений в очерченном ареале при одном плане выражения может указывать на субстратное происхождение слова на данной территории.

В заключение отметим, что следствием версии о заимствованном характере сев.-рус. *пилик* – самого распространенного репрезентанта понятия ‘наскоро сделанный берестяной черпачок кулечком’ – с учетом заимствованного происхождения остальных базовых репрезентантов является тот факт, что само понятие в идеографической сетке североруссов оказывается заимствованным, то есть русские познакомились с рассматриваемой реалией при встрече с финно-уграми и тюрками и заимствовали у них не только слова, но и саму реалию, которую эти слова называют. Такая точка

зрения согласуется с отмеченным выше аналогичным характером понятия ‘сосуд из бересты цилиндрической формы с деревянным дном и крышкой; туес’. Нельзя не заметить, что оба понятия объединяет представление о бересте как о материале, из которого можно создать герметичный сосуд при достаточно простой технологии его изготовления. Вполне возможно, что за заимствованием таких понятий, как ‘туес’ и ‘берестяной кулечек’, стоит “новый”, возникший под влиянием культуры аборигенов, взгляд русских пришельцев на бересту.

Примечания

¹ Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (грант МК-1603.2004.6).

² Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Л., 1972, 417.

³ О суффиксе *-l- и его вариантах в древнерусском языке см.: Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. М., 1969, 76–77.

⁴ Существует возможность образования отглагольных существительных, а также имен прилагательных с помощью суффикса *-t- или суффиксов структуры *гласный + t- (см.: Варбот Ж.Ж. Указ. соч., 78, 85, 86, 154, 158), однако в нашем случае ни глаголов, ни прилагательных в рассматриваемом гнезде не обнаружено.

⁵ При этом степень разработанности того или иного понятия на базе а) исконной и б) заимствованной лексики определялась не количественными критериями, а с учетом распределения лексем по исследуемой территории. Так, в частности, показательным считалось наличие у лексем широкого ареала, в отличие от узколокального характера некоторых слов; рассматривалось также ареальное соотношение значений лексемы. Для исконной лексики учитывались и другие показатели: характер мотивационного признака, первичность/вторичность значения. В ходе такого анализа выявлялись предполагаемые 1) базовые и 2) небазовые репрезентанты, в частности, новообразования. Не вдаваясь сейчас в подробности методики лексического анализа, отметим лишь следующее: совершенно ясно, что критерий такого рода не могут быть применены при анализе отдельных лексем; однако, на наш взгляд, при системном подходе они становятся гораздо более показательными. Так, если среди репрезентантов какой-либо идеограммы десять являются заимствованиями с широкой территорией функционирования, а исконная лексика представлена десятью узколокальными словами, древность которых очень сомнительна (или хотя бы не бесспорна), и подобная картина повторяется для нескольких сходных понятий, то очень вероятно, что причиной такого распределения является их слабая разработанность на славянской/русской почве. Действительно, трудно предположить, что при хорошей разработанности понятия исконными средствами на столь обширной территории, каковой является Русский Север, все до единой исконные лексемы могут быть вытеснены заимствованиями. Вместе с тем, появление локальных исконных новообразований при широком распространении заимствований вполне естественно и, более того, обязательно в силу постоянной динамики лексической системы говоров. Для подтверждения предположения о

- том, что лексема является новообразованием, учитывался ряд критериев, связанных с семантикой и внутренней формой лексемы, в частности, проверялось наличие у лексемы интересующего нас значения за пределами территорий контактов с финно-уграми.
- ⁶ Предположение о тюркском источнике рус. *бурак* см. *Фасмер I*, 243; *Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заемствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. Новосибирск, 1997, 145.
- ⁷ Версию о волжско-финском происхождении рус. *бурак* см.: *Мищенко О.В. К этимологии русского диалектного *бурак* // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции “Рябининские чтения – 2003”)*. Петрозаводск, 2003, 319–321.
- ⁸ См.: *Матвеев А.К. Финно-угорские заимствования в говорах Русского Севера. II // Финно-угорское наследие в русском языке*. Вып. 2. Екатеринбург, 2002, 48.
- ⁹ Лексема имеет саамский источник, см.: *Матвеев А.К. Указ. соч., 48–49.*
- ¹⁰ Традиционную точку зрения о коми происхождении лексемы см. *Фасмер IV*, 115. См. также: *Лыткин–Гулляев 285, 280.*
- ¹¹ Авторы SKES приводят волжско-финские и пермские соответствия для рус. *кужа*, предполагая для русского диалектизма возможность финно-угорского источника, но сомневаясь все же в направлении заимствования (SKES, 138). Отметим, что география русской лексемы вполне согласуется с версией о ее волжских истоках. К предположению о финно-угорском источнике лексемы склоняется и С.А. Мызников, см.: *Мызников С.А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада*. СПб., 2003, 176.
- ¹² Анализ существующих точек зрения на финно-угорские источники лексемы и новую версию ее происхождения см.: *Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования*. Петрозаводск, 2002, 294–304.
- ¹³ Имеются в виду недочерние говоры.
- ¹⁴ Финско-русский словарь. Сост. И. Вахрос, А. Щербаков. М., 1975, 465.
- ¹⁵ *Karjalan kielen sanakirja. I–V. LSFU. XVI. Helsinki, 1968–1997, IV*, 290.
- ¹⁶ Финско-русский словарь, 302.
- ¹⁷ Словарь карельского языка (тверские говоры). Сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск, 1994, 309.
- ¹⁸ Словарь карельского языка (ливвицкий диалект). Сост. Г.Н. Макаров. Петрозаводск, 1990, 393.
- ¹⁹ Словарь карельского языка (тверские говоры). Сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск, 1994, 310.
- ²⁰ Финско-русский словарь, 651.
- ²¹ Словарь карельского языка (ливвицкий диалект), 385.
- ²² Словарь карельского языка (тверские говоры), 301.
- ²³ Финско-русский словарь, 598. Фин. *supri* – исконная лексема с первичной семантикой угла (SKES, 1124).
- ²⁴ О суффиксе см.: *Основы финно-угорского языкоznания: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки*. М., 1975, 63.
- ²⁵ О суффиксах см.: Там же, 64, 66–67.

Принятые сокращения

- Картотека Словаря Рус. Сев. – Картотека Словаря говоров Русского Севера (Екатеринбург, Уральский государственный университет)
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

B. Орел

ИЗ ДРЕВНЕБАЛКАНСКИХ И ЦИРКУМПОНТИЙСКИХ ЭТИМОЛОГИЙ

Дак. *диэсема*

Это слово относится к числу наиболее известных дакийских глосс. В ряде исследований оно послужило основанием для далеко идущих выводов этногенетического и лингвоисторического характера, а потому, на мой взгляд, нуждается в детальной критической ревизии. Название растения *диэсема* ‘*Verbascum*’ (*Diosc.*) приводится как дакийский перевод греч. φλόμος (собственно, φλόμος ‘пламя’), ср. нем. *Himmelbrand* или *Fackelkraut*. Параллельный фрагмент псевдо-Апулея дает нам варианты *diessathel*, *diessachel* и *diesapter* (*Pseudoap.*).

Особый интерес этому слову придавало многократно повторявшееся предположение¹, что оно сохранилось как субстратный элемент в южно- и западнославянском названии травы (возможно, *Verbascum*), ср. болг. *дивизна*, диал. *дивизма* ‘вид полевой травы’, с.-хорв. *divizma* ‘*Verbascum thapsus L.*’, ст.-чеш. *divizna* ‘название растения’, чеш. *divizna* то же, слвц. (стар.) *divizna* то же (БЕР 5, 385 с литературой²). Однако никакой связи здесь, конечно же, установить нельзя. Славянский фитоним явным образом отражает праславянский диалектизм *divizna, образованный от *divo с суф. *-izna, а формы на -m- естественно признать вторичными (ЭССЯ 5, 33). Этот частный случай полностью вписывается в более общий тезис: южнославянские (а тем более, западнославянские) языки, отражая крайне малочисленные раннеалбанские и восточнороманские заимствования, субстратной лексики древнебалканского происхождения не содержат вообще³, что, разумеется, весьма существенно для понимания этнических условий, в которых происходила миграция славян на Балканы.

Греческие синонимы дак. *диэсема*, среди прочего – греч. λυχνῖτις, производное от λύχνος ‘факел’, и θρυαλλίς, собств. ‘фитиль’,